

СВЕН ЭЛИЭССОН,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИИ
(УНИВЕРСИТЕТ УПСАЛА, ШВЕЦИЯ)

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИЗБРАННОГО ПУТИ: СЛУЧАЙ МАКСА ВЕБЕРА

Статья посвящена анализу теоретико-методологических предпосылок формирования веберовского подхода, а также изучения исторического контекста становления социально-политических идей Макса Вебера. Автор рассматривает особенности исторического, социально-политического и культурного развития Германии конца XIX – начала XX в. Противопоставление культуры и цивилизации, иррациональная философия, положение Германии между западной и восточной цивилизациями обусловили как специфику ее культурно-исторического развития, так и особенности социально-политической мысли Макса Вебера. Задержка национального строительства в Германии, ее особое геополитическое положение и особенности культурной идентичности стали основой для формирования идеи немецкой исключительности (*Sonderweg*) в социально-политической идеологии и господства историзма в философской мысли. Феномен исключительности и гегемония историзма являются тем социально-политическим контекстом, который необходимо учитывать для достоверной интерпретации идей Макса Вебера.

Ключевые слова: историзм; гегемония; исключительность (*Sonderweg*); национальное строительство; контекстуализм.

The article is devoted to analyzing the theoretical and methodological prerequisites for the formation of Weber's approach, as well as exploring the historical context of becoming Max Weber's socio-political ideas. The author considers the peculiarities of the historical, social, political and cultural development of Germany in late XIX – early XX century. The opposition of culture and civilization, irrational philosophy, Germany's position between Western and Eastern civilizations resulted in the specificity of its cultural and historical development, as well as in the peculiarities of Max Weber's social and political thought. Delayed nation-building in Germany, its particular geopolitical position and features of cultural identity became the basis for the formation of both the ideas of German exclusivity (*Sonderweg*) in the socio-political ideology and domination of historicism in philosophical thought. The phenomenon of exclusivity and hegemony of historicism are the socio-political context that should be considered for the accurate interpretation of Max Weber's ideas.

Key words: historicism; hegemony; exclusivity (*Sonderweg*); nation-building; contextualism.

Интерпретация современных проблем с точки зрения классических подходов имеет различные формулировки и языковые формы. Классических авторов можно рассматривать в качестве своих коллег или использовать их идеи как источники данных. Пытаясь избежать горизонта авторского рассмотрения, мы, собирая бесконечное количество знаний и не зная, зачем они нам нужны, можем оказаться в ситуации рыбака, пришедшего на рыбалку без ясной цели. Но, если мы знаем, что ищем, есть опасность легко найти у классика именно искомое и тем нарушить целостность его произведения в актах «хронологического империализма». Легкого решения этой дилеммы не существует, однако нам следует знать, как избежать незрелых выводов и творческой интерпретации классического подхода вне его контекста.

В действительности существует противоречие между интерпретацией и полезностью. Особенно это очевидно в случае Макса Вебера. Ряд дисциплин и парадигм злоупотребили его идеями, встроив их в свои подходы в качестве краеугольного камня или рассматривая его в качестве отца-основателя. Вебер признан важнейшим классическим автором для многих конкурирующих в социальной науке парадигм, таких как функционализм, герменевтика, аналитическая социология, не говоря о многих других.

Чтобы понять Макса Вебера, необходимо не только определенное знакомство с немецким историческим контекстом, но и понимание того, как он (контекст) повлиял на идеи Вебера и может повлиять на нашу интерпретацию этих идей. И хотя использование идей классика в качестве инструментов вполне оправданно, контекстуализация остается важной частью толкования и разрешения конфликтов в процессе интерпретации. Чистый контекстуализм будет «излишним». Есть нечто, что позволяет классика оставаться живым, поднимает его над современниками и позволяет общаться с нами на протяжении веков. С другой стороны, классика – это часто конструкт нашего времени, и, если бы Макс Вебер ожил, он вряд ли бы признал того «Макса Вебера», которого делают сегодня различные дисциплины.

Ретроспективный контекстуализм – наиболее реалистичный путь движения между Сциллой и Харибдой презентизма и историзма. Джеффри Александр, вероятно, прав в том, что, изучая классику, мы пытаемся узнать что-то о нашем современном обществе¹. Однако эта рискованная стратегия интерпретации, основанная на теоретических переинтерпретациях, делает нас уязвимыми для всех тех заблуждений, о которых предупреждал Квентин Скиннер.

Несмотря на споры о том, был ли Вебер преимущественно юристом, историком или социологом (по профессии он экономист), его роль в становлении академической англо-саксонской социологии реконструирована парсонсовским «творческим расширением», и, хотя значение Вебера для немецкой науки 1920-х гг. также является предметом спора, очевидно, что он сделал большой вклад в ту сферу, которую мы называем «политической социологией».

Следующий вопрос, который будет раскрыт в статье, – то, что мы понимаем под *немецкой исключительностью*, как она повлияла на Вебера, как ее сущностная интерпретация оказала влияние на его вклад в развитие современной социальной мысли. Понимание веберовской реконтекстуализации – необходимое, но недостаточное условие для подлинной интерпретации его идей. Можно признать относительную автономию текстов, но выбор между конкурирующими автономными «максами веберами» требует расширенного контекста, чтобы понять, что он на самом деле имел в виду.

Веберовский социально-политический контекст

Понятие *немецкой исключительности* имеет разные трактовки. Мы можем говорить о шведской модели, американской исключительности и т. д. Все эти модели предполагают номотетическую позицию. Будет правильнее говорить об особых условиях, особых обстоятельствах, тем более что концепция особого германского пути идеологически окрашена, как и концепции гражданского общества, постмодернизма и глобализации. Однако понятие исключительности имеет место у Вебера, и мы должны понять его сущность и значение, которое оно сыграло в веберовской интерпретации истории. Результат дискуссии о своеобразии германского пути зависит от того обстоятельства, что немецкая отечественная история автоматически становится мировой ввиду особых обстоятельств. Немцы находятся в центре внимания с тех пор, как результаты развития их централизованного национального государства, задержавшегося по сравнению с Францией и Великобританией, так же, как и геополитическое положение Германии, вызвали большую озабоченность соседних стран, желающих понять, что же происходит в ключевом государстве на европейском континенте.

Макс Вебер жил во времена скачков и стремительного развития. Хотя этот период не был уникальным. Многие считают, что их время имеет непосредственное отношение к будущему. Это касается и Германской империи времен Вильгельма, когда в научных кругах, как и в политике, стремительно произошли сущностные изменения.

Немецкие университеты стали мировыми образцами, и прежде всего Чикагский университет, основанный в 1893 г. на деньги Рокфеллеров. Профессора (например, Смолл и Парк) формирующейся Чикагской школы социологии получили свои дипломы в немецких университетах, таких как университет Гумбольдта (тогда университет им. Фридриха Вильгельма) в Берлине. Продолжительная историческая гегемония немецкого образования сделала основные достижения Германии (такие как веберовская методология идеальных типов) более популярными за рубежом, чем у себя на родине.

В политике оставался открытым вопрос, как формы государства и их легитимности могли бы приспособиться к быстрому переходу от сельской к индустриальной культуре массового общества и как члены быстро развивающегося рабочего класса будут вести себя и содействовать обновлению².

Второй Рейх был основан после Франко-прусской войны и в ретроспективе характеризует успех государственного строительства Бисмарка. Сохранив старомодную форму правления, новая Германия, возникшая в результате локальных немецких договоренностей Бисмарка, прошла путь быстрого коммерческого и промышленного развития. В 1890-е гг. Германия стала важным конкурентом США и Великобритании в международной торговле. В это время Бисмарк покинул политику, оставив страну в состоянии трудно заполнимого вакуума. По сравнению с Францией и Ан-

глией немецкий переход к современной массовой демократии значительно отстал во времени.

В Германии понятие о немецкой исключительности породило конфликты между историками с тех пор, как стало оказывать влияние на характер нацистского правления. Даже если рассматривать нацизм как случайное явление, очевидно, что он характеризовался преемственностью, имел глубокие корни и отражал существующие тенденции, а не радикальный разрыв с подлинно немецкими традициями. И если есть особый немецкий путь, а Гитлер часть пути, то он имеет последствия для формирования немецкой идентичности. Поэтому изучение сущности понятия немецкой исключительности все еще актуально.

Наиболее общий смысл понятия *исключительность* в том, что Германия представляет собой мост между западной цивилизацией и русским варварством. В противовес западному материализму и преувеличенной вере в рационализм Просвещения подчеркивается роль Германии как носителя культуры в Восточной Европе. Немецкий государственный идеализм также отличается от утилитаризма чистой воды, представленного в Великобритании.

Для немцев понятие *культура* имеет ряд положительных коннотаций, включая представления о высших исторических ценностях и специальной миссии немецкого народа. После того как немцы построили большую часть городов к востоку от Эльбы (к западу от России), они почувствовали превосходство по отношению к восточным, да и к западным соседям. Понятие *цивилизация* имеет некоторый негативный оттенок: для немцев культура в их собственных глазах представляет собой нечто «более высокое» и менее эгоистичное (в то время как либерализм базируется на утилитарном индивидуальном расчете). Цивилизация сегодня – это кока-кола и длинные брюки. Культура – это церковь, «Фауст» Гёте и государственная опера. Восходя к идеям Цицерона, Пуфендорф и Гердер использовали концепцию культуры для интерпретации идей ранней исторической школы. Концепция культуры соотносится с идеалом немецкого образованного среднего класса и содержит некоторые романтические иррациональные обертоны³. Это касается, к примеру, Альфреда Вебера, младшего брата Макса Вебера⁴. Во время Второй мировой войны лозунг «культура или цивилизация» стал важным интеллектуальным лозунгом. Известный шведский политолог Рудольф Челлен (Kjellin) присоединился к сторонникам «идей 1914» в дискуссии, в которой определенный вид органического идеалистического корпоративистского сообщества противопоставлялся идеалам свободы и равенства западной демократии.

Очевидна необходимость дальнейшего определения выраженного на общем уровне понятия *исключительности* и проработки его смысла в различных сферах: внутренней политике, идеологии, конституционной истории, культурной истории, а также в политике великих европейских держав. Таким образом, мы получим представление об условиях и контексте социальной мысли Макса Вебера и цели, которой она следовала. Также мы получим представление об особенностях взаимодействия различных аспектов *исключительности*.

Наиболее общий знаменатель в этой модели может быть найден на уровне общей истории. На протяжении последних двух столетий в качестве центрального конфликта история демонстрирует противоборство идей Просвещения и романтизма. В Германии идеи романтизма были весьма сильны, что неудивительно, поскольку немцы никогда полностью не принимали идеи Просвещения. В немецкой мысли всегда существовал иррациональный момент, проявляющийся на разных уровнях: в отсутствии политической зрелости, сопротивлении либеральным течениям, характерным для остальной части Европы, сущностью которых был утилитаризм, в аполитичности немецкой буржуазии. Германия, как и *Империя*, формировалась принудительно властью, а не усилиями немецких граждан. Аполитичность культуры как характерная черта немецкой мысли соответствует прусскому понятию *Obrigkeitsstaat* (авторитарное государство), которое описывает форму правления, характерную для Германии. Политика часто рассматривалась как нечто, чего стоит скорее избегать, нежели в нем участвовать. Политические партии характеризовались нерешительностью и уклоном, с тех пор как их уличили в преследовании собственных эгоистических интересов, а не общего блага нации.

Представление Германии как «третьего пути» между западной и восточной альтернативой относится к восточной немецкой ориентации, восходящей к идеям Фридриха Барбароссы, который был одним из кумиров Гитлера, но до этого являлся героем немецкого национального строительства во времена Бисмарка. В позднем

Средневековая граница между славянской и немецкой культурой находилась в нескольких минутах ходьбы к востоку от Любека, примерно там, где сегодня граница между Шлезвиг-Гольштейном и Мекленбургом. Берлин, к примеру, изначально был славянским. Германцы заселяли территории к востоку от Эльбы, и значительная часть местного населения постепенно германизировалась. Когда Польша после Второй мировой войны передвинула свои границы на запад, она лишь восстановила свою территорию в границах позднего Средневековья. Миссия немецкого порядка заключалась в том, что балтийские страны и славянские княжества приглашали немцев строить свои города, как и в случае с Прагой. Немцы, населявшие не только Богемию и Пруссию, но и части Румынии и Венгрии, построили большую часть городов в Восточной Европе. Значительная часть буржуазии в Санкт-Петербурге была немецкого происхождения, как и часть помещичьего дворянства и буржуазии в Прибалтике. Тем не менее сегодня вопрос этнической принадлежности и национальной идентичности в значительной степени является вопросом выбора, как в Мазурии (Юго-Восточная Пруссия) и в Силезии.

Разделы Польши (в конце XVIII в.) и значительное количество славянских меньшинств на границах Германской империи весьма болезненно отразились на отношении к конституционно отсталой царской России. Консолидация немецких восточных границ стала ключевым вопросом для Макса Вебера с 1905 г. Помимо идеи полного политического господства интерпретация концепции немецкой исключительности в русле культурализма подчеркивает, что немцы в их самопонимании окружены культурно-низшими людьми и представляют культуру всего центра Европы, т. е. формирование Центральной Европы (*Mitteleuropa*) является миссией Германии. Вебер в какой-то степени расист в своем негативном восприятии поляков; Карл-Людвиг Ау пишет, что эти предрассудки он сформировал во время военной службы в Познани. В противоположность немцам англичане придерживаются более коммерческой, индивидуалистской и «эгоистически» утилитарной модели мышления, внутреннее кредо которой определяется подсчетом собственной выгоды. Экономист Фридрих Лист критиковал особенности британской политической экономики, когда близок экономический кризис, а тарифные ограничения используются для развития новых отраслей промышленности.

Само понятие «Центральная Европа» (*Mitteleuropa*), предложенное другом Вебера Фридрихом Ньюманом, имеет коннотации в немецкой культурной миссии и направлено против восточной лютаргии и западного утилитаризма.

Славянское население расценивалось как примитивное. Идея немецкой восточной экспансии имеет свою идеалистическую мотивацию, как в случае с французами и англичанами в Америке («бремя белого человека»). Это не значит, что Россия обязательно рассматривалась в качестве врага. Это скорее означает, что в Германии не было единой позиции в отношении к недоразвитому, но богатому природными ресурсами соседу; такая позиция характерна в отношении японцев к Китаю. Для Бисмарка хорошие отношения с Россией являлись краеугольным камнем политики безопасности, направленной на установление континентальной европейской гегемонии, но не более того. Взаимодействовать с англичанами не было смысла, с тех пор как они развились за счет своих французских врагов. Для Гитлера Россия была целью захвата и порабощения. Как для Бисмарка, так и для Гитлера европейская гегемония, включая захват восточных территорий, являлась основной целью, достижение которой возможно любыми средствами. Со времен строительства флота фон Тирпицом и до эпохи Вильгельма II Германия постепенно превратилась в мировую державу и реальную угрозу для Великобритании.

Говоря другими словами, сущность немецкой исключительности в том, что Германия служила для восточных европейцев образцом модернизации.

Парадоксально, что с падением империй Габсбургов и Романовых после Первой мировой войны Германия становится сильнее. Это парадокс, особенно с учетом общего мнения по поводу Версальского договора (лорд Кейнс и др.).

Представления о Германии как о ведущей культурной нации в Европе стали частичной компенсацией за ее более поздний старт по сравнению с другими западными странами. Задержка в развитии нации – важная черта немецкой уникальности. Напомним, что главной катастрофой в истории Германии были не две мировые войны в XX в., а Тридцатилетняя война в XVII в., отсрочившая развитие Германии на пару веков. Погибла почти половина населения, и, что не менее трагично, в ходе войны не выиграла ни одна из сторон.

В случае чьей-либо победы, возможно, германская история была бы другой. По Вестфальскому мирному договору 1648 г. был установлен бесправный Первый Рейх с кайзером в Вене и рейхстагом, размещавшимся в разных городах (часто во Франкфурте-на-Майне), пока в 1663 г. он не обосновался в Регенсбурге. Можно сказать, что в то время баланс европейских сил не предполагал функционирования немецкого государства. Германия не являлась самостоятельным игроком на европейской сцене, а была скорее конгломератом разрозненных монархий, независимых княжеств, свободных имперских городов и т. д., включая около 400 маленьких образований – скорее жертв, чем самостоятельных участников европейской политики. В 1648 г. Швейцария (де-факто в 1499 г.) и Нидерланды (в 1609–1621 гг.) отделились от Германии, и до настоящего времени поле немецкой культуры не совпадает с границами немецкой нации, определение которой до XIX в. являлось проблемой. Исторически Германия сокращалась на западе и расширялась на востоке. Когда-то Мерц был немецким городом, а Савой был частью немецкого Рейха. Тем не менее Бисмарк сделал Германию достаточно большой, чтобы представлять угрозу для соседей и стать ведущей европейской силой. Франция, например, получила огромные территории путем «политики воссоединения» Людовика XIV и установила контроль за большими областями немецкоговорящих территорий в Эльзасе, где франко-ориентированное, но немецкоязычное население оказалось зажато между враждебными Германией и Францией.

Франция была наиболее плотно населенной страной Европы во времена Средневековья, но потеряла ведущую роль из-за падения рождаемости. Франция стала считать развитие Германии угрозой своей безопасности. Благодаря своему географическому положению и политическому отставанию Германия вынуждена была жить в условиях, когда ее внутренняя политика незамедлительно стала частью европейской политики. Проблемы национальной немецкой идентичности стали европейскими, а в 1930-е гг. даже мировыми. Тот факт, что одной из величайших культур Европы не хватает стабильности, как и политической преемственности, представляет опасность для всех.

Мы не можем игнорировать влияние наполеоновского опыта на «успех» Бисмарка в создании (северной) Германской империи с 1848 по 1870–1871 гг. после Тридцатилетней войны. Наполеон сделал королями своих братьев, например Джерома в Вестфалии. Наполеон реализовал традиционную французскую мечту – Рейн должен быть границей между немецкой и французской территорией. Он добился этого, подкупив правящие классы, пользующиеся ограниченной популярностью у своего народа. Правители скомпрометировали себя сотрудничеством с французскими захватчиками. Тем не менее Наполеон во многом был предусмотрительным и «либеральным» руководителем, его гражданские и конституционные реформы являются очевидным примером модернизации и продвижения буржуазного правового государства взамен старых привилегий феодального общества.

Роль Наполеона настолько же сложна, насколько и противоречива. Ему удалось стимулировать латентный немецкий национализм, когда наполеоновские войска наводнили Европу. Одновременно он уничтожил систему представительства в Германии как путем реформ, так и дискредитации старой знати за ее связи с врагом. Часто забывают, что Кодекс Наполеона действовал на значительной территории Германии – в Вестфальской части, где его брат Джером был королем, – в течение всего XIX в.

Создавались студенческие клубы под лозунгами типа «Нация! Свобода! Честь!». Фихте представил свое «Обращение к немецкой нации» в 1806 г. в Берлине, в котором германское национальное мировоззрение находит свою наиболее сущностную формулировку. Немногом ранее Гёте рассматривает французские войска как определенный механизм культурного обмена с образованными французскими офицерами.

Политическая модернизация Германии была необратима, хотя страна имела менее выгодное положение по сравнению с Англией и Францией в связи с отсутствием государственной основы для национального строительства, которую пришлось создавать с нуля.

Перед разрозненной Германией стояла альтернатива выбора формы государственности: Габсбургская империя или Пруссия. Габсбургская империя имела недостатки в виде феодальной формы правления и балласта славянских подданных... Саксония и Тюрингия, пожалуй, настоящее сердце Германии, не участвовали в этом процессе вследствие неудачных коалиций и политических провалов еще во времена правления Августа – короля Саксонии и Польши – в начале XVIII в. Россия также сыграла свою роль.

«Старое сердце» Пруссии находилось за пределами Германии, но расширение Пруссии и создание Северогерманского союза определили выбор формы государственности в пользу Пруссии. Это означало перераспределение определенных благ, содействующих переходу от *Machtstaat* (государственной власти) к *Volksstaat* (правлению суверенного народа)... Более того, части Германии под управлением Пруссии изначально были протестантскими. Мартин Лютер считал, что революция – это неверный путь и что свобода – это внутреннее качество, а страдания от мирской несправедливости ведут к духовному воспитанию. Пруссия, очевидно, не была плодородной почвой для революции (хотя определенные проявления «воли народа» в Берлине в 1848 г. имели место).

Пруссия и Берлин так или иначе стали центром немецкой модернизации. Тем не менее доминирование юнкерства ограничивало возможности продвижения современного конституционализма, который начал развиваться во Франции (1789) и Англии (1688–1689). Буржуазные классы должны иметь законное право на участие не только в экономической модернизации, но и в перераспределении власти, т. е. в процессе «демократизации», который в данном случае восходит к отмене феодальных привилегий для дворянства и введению равных возможностей. Возможности должны заменить разведение, а экономическое регулирование в виде системы гильдий и меркантилизма должно быть заменено рыночными отношениями. Защита собственности и легальный обмен должны гарантироваться конституционным *правопорядком*.

Нельзя сказать, что немецкие буржуа проявляли живой интерес к данному процессу, они никогда не «рубали голову королю», – так позднее сформулировал Макс Вебер приход буржуазии к зрелости. Как это ни парадоксально, только в 1989 г. в Германии впервые имела место успешная революция, причем мирная, охватившая прусско-лютеранское «сердце» страны (ГДР).

Отметим некоторое отсутствие баланса: несмотря на то что немцев провозглашают культурными лидерами на европейском континенте, они никогда не были в *авангарде* замены феодальных форм правления на демократические. Есть недостаток преемственности в немецкой политической культуре. В Англии обнаруживается «вигская», телеологическая история политического и конституционного рационального развития в направлении парламентской демократии, рассматриваемой в качестве прототипа для ряда стран, в том числе для США, через Монтескье, и для Германии, пытающейся реализовать немецкий опыт.

Значительная часть немецкой литературы ориентирована на Англию как на образец для подражания, особенно между 1870 г. и началом Первой мировой войны в 1914 г., когда сформировалось новое к ней отношение (после объявления Англией войны и введения блокады). Немцы продемонстрировали двойной синдром в восприятии своих английских «братьев» – восхищения и отчуждения.

В XIX в. по Германии прокатилась волна национализма, особенно в Шлезвиг-Гольштейне, в котором столкнулись два национальных принципа – «скандинавизм» и немецкий национализм. В течение года народной воли – 1848 г. – либерально настроенный парламент во Франкфурте-на-Майне вынужден был просить прусского короля защитить Германию в Шлезвиг-Гольштейне, чего не смог датский король в ходе беспорядков. Франкфуртский парламент собрался, чтобы определить «Германию» вне этнических, политических и культурных границ и в рамках географического региона «Германия» создать современное национальное государство. Прусскому королю была предложена императорская корона, но он отказался от предложения. Франкфуртский парламент без армии и реальной власти потерял престиж и стал рассматриваться как «обсуждающая», а не действующая ассамблея, которая в итоге вынуждена была положиться на Пруссию. После 1848 г. Пруссия и Берлин все больше становятся реальным и сильным хранителем идей немецкой нации. Часть разочарованной немецкой интеллигенции мигрирует в США, где становится пионерами социальных наук: например, Фрэнсис Либер в политической науке. Это фиаско франкфуртского парламента долго препятствовало развитию немецкого либерализма как особой формы национального либерализма, по широкому определению Макса Вебера.

Фактическое развитие является результатом выбора из ряда возможных альтернатив. Во Франкфурт были приглашены представители Чехии. Приглашение они отклонили. Вместо этого в Праге была организована панславянская конференция, основным языком которой выступал немецкий, чтобы все могли понять друг друга. С исторической точки зрения Германия, включая восточную Пруссию, за исключением

Австрии и Чехии, реализовывала именно принудительную политику, нежели ориентировалась на национальную веру и идентичность. Германии, в которой Бавария и Баден-Вюртемберг были подчинены Пруссии, вряд ли бы удалась элегантная программа создания государства Бисмарка. Условием Бисмарка было то, что Австрия являлась своего рода «границей» от славян, бастионом против российского панславизма. Можно сказать, что Бисмарк (только в обратном порядке) сделал то же самое, что Линкольн в США, т. е. создал относительно однородное национальное государство с общими экономическими условиями и средствами реальной политики. Разногласия Бисмарка с рабочими движениями и католической церковью – часть процесса национального строительства.

Бисмарк, конечно, спорный персонаж в истории. Остается неясным, действительно ли он хотел объединить Германию или пытался поймать «удачу за хвост» для создания «Великой Пруссии». В 1864 г. вспыхнула прусско-датская война после новой попытки Дании сделать своей частью Шлезвиг. Пруссия и Австрия объединили усилия, чтобы вытолкнуть датчан из Шлезвиг-Гольштейна. Вторым шагом стала война Австрии и Пруссии по поводу управления и распределения завоеваний. «Железом и кровью» Австрия должна была быть выброшена из немецкого союза – так Бисмарк обозначил эту цель. Однако Бисмарк воздержался от проведения унижающих противника победных парадов в Вене, и Габсбурги согласились на «мягкие» условия мира, уступив Пруссии часть территорий в Северной Италии. Бисмарк стремился заложить базис для хороших будущих отношений с Австрией – его естественным союзником по сдерживанию многочисленных славянских народов. Австрию пришлось исключить из Германии с тех пор, как она захотела стать центром Германии, но не создала возможности для формирования централизованного государства современного типа. Стоит отметить, что до 1866 г. Бавария и Баден-Вюртемберг были на австрийской стороне и находились в состоянии войны с Пруссией, хотя и не принимали особого участия в военных действиях до конца войны.

На третьем этапе Бисмарк провоцирует французов на войну за испанский трон в 1870 г. С тех пор как Франция объявила войну, формально оборонительную для Германии, был сформирован оборонный союз между Пруссией и южными германскими государствами Баварией и Баден-Вюртембергом; в отличие от наполеоновского времени Бавария и Франция оказались по разные стороны баррикад. Успех Пруссии в войне предоставил возможность прусскому монарху стать германским императором. Уже в 1848 г. Пруссия стала основой для объединения Германии, но только теперь этот процесс стал возможен без вмешательства «политиков низкого происхождения».

Наследие Бисмарка является основной характеристикой *немецкой исключительности* и ключевым аспектом для политического анализа концепции Макса Вебера. Бисмарк был весьма авторитарен во внутренней политике и к парламентариям относился как строгая сельская учительница к школярам. Он нес ответственность перед императором, но не перед парламентом, на падение которого оказал влияние. Отсутствие парламентаризма и стало отправной точкой процесса отчуждения народа от основных функций государства. Кроме того, внешняя политика Вильгельма II обернулась катастрофой из-за отсутствия преемственности и навыков взаимодействия с соседями Германии. Бисмарк стал режиссером драмы отложенного формирования немецкой нации, при этом не дав свободы действий новому политическому руководству, чтобы оно могло созреть и развиваться под его властью. Он оставил нацию в управленческом вакууме, который, оказалось, трудно заполнить.

Эта проблема стала основой политических сочинений Вебера: как продвигать политические реформы в условиях специфической и своеобразной (слабой) немецкой политической культуры, приспособливая современный капитализм к феодальным отношениям (феодалный капитализм)?

Класс юнкеров был склонен продвигать собственные экономические интересы, а не интересы нации в целом, одновременно являясь основой для рекрутирования как армейских офицеров, так и ведущих *государственных чиновников*. Проблема усугубилась, когда конфликт между *юнкерами* и государством обострился из-за поставок американского зерна в Европу. Большим фермерским поместьям на востоке от Эльбы стало выгоднее нанимать сезонных польских рабочих, нежели немцев. Согласно Веберу и другим критикам *юнкерского эгоизма*, именно это ослабило границу с царской Россией.

Отсутствие гармонии между интересами правящего класса и общим благом нации отнюдь не уникально для Германии столетней давности и имеет ряд параллелей, например, в Латинской Америке. Однако в сочетании с относительной политической безволею и бессилием (отсутствие управленческого инстинкта и зрелости) немецкой буржуазии оно является характерной чертой немецкой политической культуры в период, предшествующий творчеству Вебера.

Немецкий либерализм провалился в 1848 г., а утилитаризм, будучи в диссонансе с немецким государственным идеализмом, создал препятствия на пути «нормального» развития массовой демократии, особенно с учетом успешности «авторитарного государства» Бисмарка. Поразительно быстрое экономическое развитие Пруссии за несколько десятилетий позволило ей создать первое современное государство всеобщего благосостояния, сделав ее первопроходцем в институциональной социальной политике, политике социального страхования, пенсионного обеспечения и т. д. Включить новые классы в процесс развития, предоставить им долю от результатов быстрой индустриализации, избежать оппозиции и революции – все это относится к государственным интересам по обеспечению политической стабильности. Успешное развитие, обеспеченное сверху, способствовало укреплению аполитичной и подбострастной позиции буржуазии, которая наслаждалась его результатами и «не смела кусать руку, которая кормит». Такое развитие стало помехой и для формирования рабочей партии, поскольку рабочие уже получили некоторые реформы, не борясь за них.

Многие либералы, включая отца Макса Вебера, приспособились к Германии Бисмарка. В результате германский национальный либерализм приобрел специфический характер, не будучи реально связанным с конституционной практикой, «демократической верой». Демократия становится скорее *обыкновением*, чем *обычаем*, т. е. влияет на поведение, хотя и без поддержки интернализированных норм. Существует германский *Рейхстаг* и прусский *Ландтаг* со всеобщим избирательным правом и голосами, разделенными на три группы с модифицированным принципом «один человек – один голос». Избирательная активность была низкой, особенно среди рабочих, которые подвергались дискриминации со стороны системы не только из-за избирательных правил, но и вследствие антисоциалистических законов. Германия долгое время оставалась *государством власти*, а не *государством народа*. Сила предшествовала праву.

Проблема внутренней политики после правления Бисмарка заключалась в установлении адекватной системы ответственности и контроля, соответствующей сложившимся традициям. Это исторический контекст «плебисцитарного лидерства демократии» Макса Вебера, т. е. формы парламентаризма с сильной властью лидера, независимого от кайзера, но ответственного перед парламентом, обладающим не только универсальным, но и равным избирательным правом в целях создания *легитимности**.

Достижения внешней политики Бисмарка нивелируются. Отношения с Россией прекращаются в результате дипломатических решений, обеспечивших возможности ее кредитования Францией вместо Германии. Это стало началом формирования несколько нетрадиционного альянса, который окружил Германию и центральные силы в ходе Первой мировой войны.

Бисмарк воздерживался от зарубежного колониального экспансионизма. Идея о том, что Германия должна занять позицию гегемона на европейском континенте, была угрозой для Франции и России, но не для Англии. Для Германии хорошо, если бы Франция и Англия были заняты колониальным империализмом, наступая друг другу на пятки, как случилось в знаменитом конфликте в 1898 г., когда Франция и Великобритания находились на грани войны. Длительный конфликт между Англией и Францией находился в гармонии с идеей германской гегемонии на континенте, по крайней мере до 1740-х гг., когда в английской внешней политике наметилась иная тенденция, направленная на предотвращение любых попыток установления гегемонии, которая могла стать потенциальной угрозой английской торговле. Бисмарк стремился дать понять, что сфера германских интересов на востоке, в то время как Вильгельм II говорил, что «будущее Германии у океана», – заявление, призванное настроить британцев против Франции как партнера по альянсу.

* См.: «Between Ratio and Charisma». Ссылки на работы Вебера даются главным образом по многотомному изданию его сочинений в Германии (Max Weber-Gesamtausgabe) под редакцией Моммзена, которое осуществляется много лет и еще не закончено.

Можно спорить, верно ли решение Бисмарка. Возможно, если бы немецкий империализм был более естественным и менее чуждым для европейских соседей, если бы Германия взяла «свою долю» и установила баланс, вместо того чтобы закладывать основу для будущих конфликтов и страхов, она смогла бы занять свое место в качестве мировой державы на стороне Великобритании и США. Конечно, у Германии было несколько колоний. Но по сравнению с мировыми империями, Англией и Францией, их очень мало. Такой скромный и «нормальный» империализм оставил Германии меньше территорий и меньше поводов беспокоить своих соседей. Альтернативой могла бы стать европейская программа Бисмарка с ограниченными амбициями, которая, возможно, не устроила бы Францию и царскую Россию, но нашла поддержку у Великобритании и США.

Фактически это похоже на альянс между Германией, Англией и США. «Витала в воздухе» идея, что рубеж веков должен ознаменоваться новым вариантом развития современной мировой истории; возможно, и Франция, и Россия заняли бы второе по значимости место, и не было бы двух мировых войн. Подобные идеи нельзя проверить, однако вопрос, насколько серьезны споры между Германией, Британией и США, остается проблемой для профессиональных историков. Достаточно отметить, что система союзов, которая привела к Первой мировой войне, являлась не результатом естественного развития, а следствием исторических разрывов, ставших итогом неэффективной и устаревшей немецкой внутренней политики, когда в руках неособо талантливого короля было сосредоточено слишком много полномочий при отсутствии какой-либо ответственности.

Ход истории показывает, что опыт Германии в формировании последовательной и ответственной внешней политики был неудачным. Связь между внешней и внутренней политикой подчеркивается в рассуждениях Вольфганга Моммзена о причинах Первой мировой войны, когда устаревшие формы правительств крупных игроков мировой арены, т. е. царской России, Австрийской монархии, Германии, сыграли решающую роль в определении путей развития⁵.

Есть также идея, что демократические государства никогда не вступают в войну друг с другом, а устаревшие правительственные режимы при этом являются угрозой всему миру. Быстрое национальное немецкое строительство автоматически стало угрозой для всего мира. Как указывает Рэндалл Коллинз (1995)⁶, Германия во многом была современным государством, близким к современной демократии, развиваясь в направлении индустриализации, секуляризации, бюрократизации и т. д. Она была открытым обществом со свободной прессой и энергичной оппозицией, а также формирующейся современной партийной системой. Однако наличие кайзера, который мог вмешиваться в политику больше, чем британский монарх, являлось анахронизмом.

Ранее мы сосредоточили внимание на политическом аспекте *исключительности*. Описание особого пути германской истории прослеживается в работах Вебера через изучение традиций немецкого *историзма* как отражения интеллектуального уровня этой *исключительности*. При отстающем государственном формировании немецкой нации исторические дисциплины для нее были важнее, чем для остальной Европы. Описание и определение значения термина *историзм* является комплексным и сложным. Историческая школа играет важную роль в формировании национального самосознания и *создании* национального наследия. Долгое время в исторических концепциях немцы предстают аполитичными и романтическими мечтателями.

Идеи Леопольда фон Ранке хорошо иллюстрируют новую историю Германии, хотя его предшественники – Гердер и Фихте. Историзм – это комплекс идейных течений с двойной ролью в истории идей. Он способствует новому критическому пониманию источников и их оценке. Следовательно, он выполняет функцию секуляризации, хотя играет значительную роль в формировании традиций национального строительства. Историзм одновременно модернизирует исторический метод в направлении повышения точности, в качестве движения он является оппозицией рационализму Просвещения, на самом деле будучи частью реакции романтизма на Просвещение. В сдержанной и молодой Германии оба течения были региональными и фрагментарными, разрозненными политически, культурно и в некоторой степени этнически. Значение истории в Германии выше, нежели в странах с уже развитыми централизованными и однородными парламентскими демократиями. Длительная гегемония историзма в интеллектуальной жизни Германии является, по моему мнению, наиболее значительным элементом *немецкой исключительности*.

Во многом благодаря историзму рационализм Просвещения и машинная культура/ цивилизация не смогли взять верх в Германии. Специалисты в области наук о культуре, таким образом, сыграли важную роль в процессе немецкого национального строительства. Мы уже упоминали Ранке, однако стоит вспомнить многих ученых и философов, таких как Гердер и Фихте, а также Шеллинг и Гегель, внесших научный вклад в развитие традиции нелиберального и иррационального формирования немецкой нации. В сравнении с Англией историзм был любимым занятием множества немецких интеллектуалов. Можно сказать, что гораздо легче быть либералом в стране со сформированным государством, которого не было в Германии, однако она стояла на грани его создания с помощью университетских профессоров. Гегелевская интерпретация прусского государства как проявления мирового духа – иллюстрация этому. Первоначально Швабия и затем евангелистический поворот в Тюбингене стали основой для распространения идей прусского государственного идеализма в Берлине, на основе идеалистической исторической философии с некоторой двусмысленностью рационализма Просвещения.

Не является отличительной чертой Германии тот факт, что формирование государства, война (и налогообложение) идут рука об руку с национальными переводами Библии и строительством национальных церквей, – то же было в Швеции и Англии. Несчастье Германии в том, что она начала свое развитие с большим опозданием и значительная часть ее территории была занята соседними державами.

На уровне научных доктрин «гегемония и кризис историзма», провозглашенные в результате методических споров, выступают в качестве важнейшего элемента немецкой интеллектуальной сферы.

Я попытался восстановить политический и социальный контекст времен Вебера, который характеризуется недостатком зрелости молодой и не очень однородной нации. Множество черт, характерных для веберовского времени, сегодня по-прежнему актуальны. Немецкая история характеризуется делительным кризисом идентичности, поразившим всю Европу. Как страна, проигравшая в войне, Германия приняла либерально-демократическую модель правления победителей и разработала то, что Юрген Хабермас назвал *Verfassungspatriotismus* (конституционный патриотизм), с материализацией конституции по примеру США. Очевидно, Германии трудно найти форму правления, соответствующую собственным традициям и основанную на собственной истории.

Виновен Наполеон. Однако имели место и другие негативные факторы, кроме создания Федеральной Республики Германии, которая исторически должна была стать успешной, однако привела к полной капитуляции и национальной катастрофе в 1945 г. и разрушила немецкую нацию. Немецкая национальная воля – слабое позднее дитя горя, обреченное постоянно воспроизводить конфликты.

Современная ситуация во многом отлична от веберовской. Класс юнкеров уже не является препятствием на пути немецкой экономической и политической модернизации. Пруссии больше не существует, она распалась после Второй мировой войны. Война (вооруженная) больше не является способом разрешения конфликтов франко-немецких интересов, это невозможно по структурным причинам. Гражданские войны на Балканах больше не вызывают великих европейских войн, хотя вызывают много шума и споров, а старые конфликты интересов по-прежнему легко пробудить.

Я попытался установить связь между социально-политическим и интеллектуальным аспектом. Национальная незащищенность Германии генерирует тенденцию компенсировать ее «путем поиска смысла существования в источниках развития». У немцев есть неудовлетворенное желание искать свои корни и миссии в истории и философии. В немецкой духовной жизни существует также иррациональная романтическая тенденция к обобщению в вопросах веры. Романтизм сам по себе – определенный элемент анти-Просвещения.

Для своего создания нация нуждается в мифе, и после «смерти Бога» благодаря идеям Просвещения нация и народ остаются распространителями «высших» целей, проистекающих из смешивания идей Просвещения, анти-Просвещения немецкого историзма и идеалистической философии. Идеи Вебера необходимо сопоставить с данным контекстом. Простое чтение (вне контекста) может генерировать искажения текста. Идеи Вебера связаны с противоречиями его времени. Этот контекст теряется для большинства из нас, но мы должны пытаться восстановить его, чтобы избежать недоразумений при прочтении Вебера.

Культура против цивилизации – часть немецкой идентичности, ее миссия в Европе. Наследие, вернее вакуум, после правления Бисмарка является отправной точкой социологии Вебера в ее различных проявлениях; она представлена в его *ежедневных политических комментариях* по поводу войны. Факт отставания политического процесса от быстрого экономического развития следует рассматривать как результат руководства Бисмарка. Городская буржуазия довольствовалась результатами развития и «не смела кусать кормящую ее руку». Анти-Просвещение базировалось на иррационализме романтизма как части германского протеста против французского и английского опыта. Это привело к двойной роли историзма как части мифического национального строительства и основы для возобновления исторических исследований. Вебер принял участие в обновлении методологических задач и решении того, что его коллега Трельч описал как затруднительное положение кризиса историзма⁷.

Отложенное национальное строительство явилось следствием реализации интересов Ришелье и Наполеона по предотвращению немецкой государственной власти. Хотя Наполеон модернизировал Германию и стимулировал ее национальное мышление, но одновременно и подорвал основы ее внутренней политической структуры, систему представительства, оставив немцев наедине с необходимостью начинать свое национальное строительство с нуля. Антилиберальный поток, провал либеральной революции 1848 г. и отсутствие сродства между либеральным утилитаризмом и немецким государственным идеализмом работали в том же направлении.

Это сценарий политических (политической социологии и конституционной проблематики) и в некоторой степени методологических трудов Вебера.

Основная задача социологии Вебера на *методологическом* уровне – внедрение интерсубъективного понимания в области социальных наук под влиянием неокантианского номинализма и австрийского маржинализма. Эта задача поставлена в ряде методологических эссе, особенно в программном эссе «Объективность» 1904 г.⁸ Идеи Вебера стали промежуточным звеном между гегелевскими конструкциями, не соответствующими критериям рационального доказательства, и историзмом. Он выступил против эссенциализма и концептуального реализма. Кризис историзма, по определению Трельча, не может быть разрешен на экзистенциальном уровне, мы вынуждены жить с «необходимостью выбора», заимствуя формулировку британского ученого Энтони Гидденса, однако Вебер разрабатывал четкую политеистическую или релятивистическую методологию, которая в определенной мере позволяет рационализировать ценностные иерархии и инструментальные средства и которая применяется в его политической социологии. Таким образом, можно принять несоизмеримо затруднительные положения пост-Просвещения и все же оставаться на научной основе, избегаая неконтролируемого вторжения ценностей.

Применение этих положений к политическому проекту Вебера еще более затруднительно, хотя действенность его концепций очевидна. На протяжении 1890-х гг. он проводит ряд политических исследований положения сельскохозяйственных рабочих к востоку от Эльбы, оценку влияния которых на национальное строительство и национальную безопасность в сжатом виде можно найти в знаменитой «Фрайбургской речи» 1895 г.⁹ Его работы по дореволюционной России 1905 г. имеют аналогичный характер и публиковались во Франкфуртской газете во время войны с текущими комментариями по поводу военных событий, а также по конституционным вопросам.

Вебер хотел возродить немецкую политическую систему и выступил первопродцом парламентской демократии, а после войны – массовой демократии с непосредственно избираемым президентом. По существу, он является не демократом, а националистом, понимая, что сохранение немецкой культуры и достоинства человека как хозяина своей судьбы требует разрыва с авторитарным «пруссским» примером. Культура и автономия культурного человека в конце концов главная цель Вебера.

Вебер отмечает, что «демократизация» в том смысле, что государственное управление осуществляется чиновниками, является фактом. Демократизация означает, что власть переходит от должностных лиц к партийным боссам (см., например, *Economy and Society*¹⁰).

Есть только два варианта: либо масса граждан лишена свободы и прав в бюрократическом «авторитарном» государстве, которое имеет только основы парламентского управления и в котором гражданами «погоняют» как крупным рогатым скотом, либо граждане интегрированы в государство и являются соправителями¹¹.

Вебер утверждает, что люди никогда не управляют, но выбирают своих правителей¹². Можно встретить и более радикальную позицию, например, когда говорится,

что любая мысль об устранении правления человека над человеком даже через наиболее изощренные формы «демократии» является «утопической»¹³. Харизматический лидер предполагает, что за ним последуют, но он должен убедить в этом людей.

Нельзя сказать, что Вебер дал абсолютно четкое представление о том, какую роль должны играть люди в процессе управления. Его идея не в том, чтобы максимизировать демократию, а в том, чтобы предотвратить хаос и бесконтрольность власти опасных демагогов и уличной толпы, что в конце войны стало первоочередной задачей.

Вебер отнюдь не верит в подлинную и явную «волю народа», например, в письме своему молодому коллеге Роберту Михельсу он пишет: «Но со сколькими отставками вам еще придется столкнуться; такие понятия как “воля народа”, “истинная воля народа” давно перестали существовать для меня, они *фикция*»¹⁴.

Вебер как *Vernunftsdemokrat* (демократ по призванию, но не по вере) может показаться циником, но с учетом эволюции политической социологии, в которой подход Острогорского – Вебера – Михельса к власти, основанной на силе, стал базовым для последующего теоретизирования; стоит только упомянуть полиархию Роберта Даля или современные теории о «железных треугольниках», все это говорит о его эмпирической адекватности. Эксперты вмешиваются в демократические формы правления и должны делать это.

Наследие Бисмарка стало отправной точной как для ранних работ Вебера, так и работ военного периода, даже на уровне заголовков. Понятие плебисцитарного (популистского) харизматического и иногда «цезареподобного» лидера формулируется не только с учетом немецкого духа; романтическая концепция Карлейля о роли великих людей является ее фоновой частью. Все эти идеи характеризуют основную немецкую черту: колебание между английской и французской парадигмами в ответ на проблемную ситуацию, сформированную Бисмарком.

Конечно, *немецкая исключительность* – не единственный ключ к пониманию Вебера. Необходимо иметь в виду ряд факторов, включая характер скрытого британского влияния (J. S. Mill), ошибочность приписывания веберовских таксономий в «Экономике и обществе» его собственной концепции, тенденцию прочтения его трудов, например о харизме с «Дюркгеймовских» социологических позиций. Тем не менее *немецкая исключительность* имеет решающее значение для понимания его политической социологии и значительно влияет на интеллектуальную проблемную ситуацию, т. е. на кризис историзма. Кроме того, она является средством избегания повторяющихся искажений его социологии и важной частью необходимой реконтекстуализации Вебера для достижения непредвзятых интерпретаций.

Продолжительная гегемония историзма в Германии имеет несколько проявлений, некоторые из которых мы уже упоминали. Экономист Фридрих Лист – одна из доминирующих фигур. Также имеет место несколько самонадеянное и снисходительное отношение к абстрактной теории, которое мы находим в ранней исторической школе.

Можно было бы просто сказать, что в связи с особенностями немецкой истории немцы стали чемпионами мира в ее написании, в то время как британцы лучшие в политической экономии, французы – в идеологии и революции. История имела привилегированное положение в Германии, и это повлияло как на проблемные аспекты, так и на перспективы становления концепции Макса Вебера.

Возвращение историзма, превращение его из искусства архивных исследований в сочетании с эмпатией и улучшенными источниками критицизма в секуляризованный порядок, включающий критерии доказательств, является основным научным достижением Вебера.

Полное понимание Вебера требует ряда контекстуальных задач. Следует помнить о его неоднозначном отношении к Дильтею. Следует понять его колебания по поводу принятия французских положений и терминологии, например понятия «социология». Чистый контекстуализм, кроме того, не учитывает инновационных элементов, которые Вебер берет в основном из неокантианства.

Но в дополнение к очевидной актуальности для политической социологии Вебера, что мы обнаруживаем, к примеру, в его знаменитой «Фрайбургской речи», кризис историзма, диагностированный Трельчем, явно связан с немецкой *исключительностью*. Этот кризис, как отмечает Вебер, включает элементы дихотомий знаменитого «Спора о методе» между историей и теорией; и споры эти еще не полностью разрешены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Alexander J. C. Twenty lectures: Sociological Theory since World War II. New York, 1987.
- ² См.: Roth Guenther. Interpreting and Translating Max Weber // Intern. Sociology. Vol. 7, № 4 (Dec. 1992). P. 449–459.
- ³ См.: Ringer Fritz K. The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge, 1969. P. 87–88.
- ⁴ См.: Mommsen W. The Political and Social Theory of Max Weber. Chicago; Cambridge, 1989. P. 175.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ См.: Collins R. Weberian Sociological Theory. Cambridge, 1986.
- ⁷ См.: Troeltsch Ernst. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922.
- ⁸ См.: Weber Max. Max Weber-Gesamtausgabe (оригинал – Архив трудов Вебера. 1904).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Weber Max. Max Weber-Gesamtausgabe (собрание сочинений под ред. Моммзена, большинство томов которого уже опубликовано в Германии).
- ¹¹ Weber Max. Suffrage and Democracy // Max Weber-Gesamtausgabe.
- ¹² Weber Max. Economy and Society // Max Weber-Gesamtausgabe.
- ¹³ Mommsen W. Max Weber und die historiographische Methode in seiner Zeit // Storia della Storiografia. 1984. P. 394.
- ¹⁴ Ibid. P. 395.

*Перевод с английского Е. В. Шкуровой.
Научная редакция Л. Г. Титаренко.*

Поступила в редакцию 27.06.2013.

УДК 316.42 (476)

С. А. ШАВЕЛЬ,
ПРОФЕССОР, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
(МИНСК)

СФЕРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Рассматриваются некоторые особенности сферного подхода в социологии, первые попытки научной категоризации сферной терминологии, предлагаются определения понятий «сфера общества» и «социальная сфера». Более детально анализируется социологический смысл концепта «мотивационная сфера», ставится вопрос ассимиляции социологией ноосферной тематики.

Ключевые термины: сфера общества; социальная сфера; ноосфера; мотивационная сфера; гармония; порядок.

Considered are some peculiarities of the sphere approach in sociology, first attempts of scientific categorization of the sphere terminology, suggested are the definitions of the concepts «sphere of society» and «social sphere». The sociological meaning of the concept «motivational sphere» is given a detailed analysis to; the question of noosphere issues' assimilation by sociology is put.

Key words: sphere of society; social sphere; noosphere; motivational sphere; harmony; order.

Статья продолжает публикации «Концептуализация понятия социальной сферы в социологии» в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» Института социологии НАН Украины (2013. № 4. С. 180–196). У нас нет намерения повторять сказанное, мы воспроизводим некоторые фрагменты для логического обоснования данного материала в целом.

Сферные представления зародились в осевое время, когда одновременно (в историко-социологическом смысле) действовали основатели важнейших религиозных традиций – иудейские пророки в Палестине, Заратустра в Персии, Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Будда и Махавира в Индии и первые философы в Древней Греции. Это